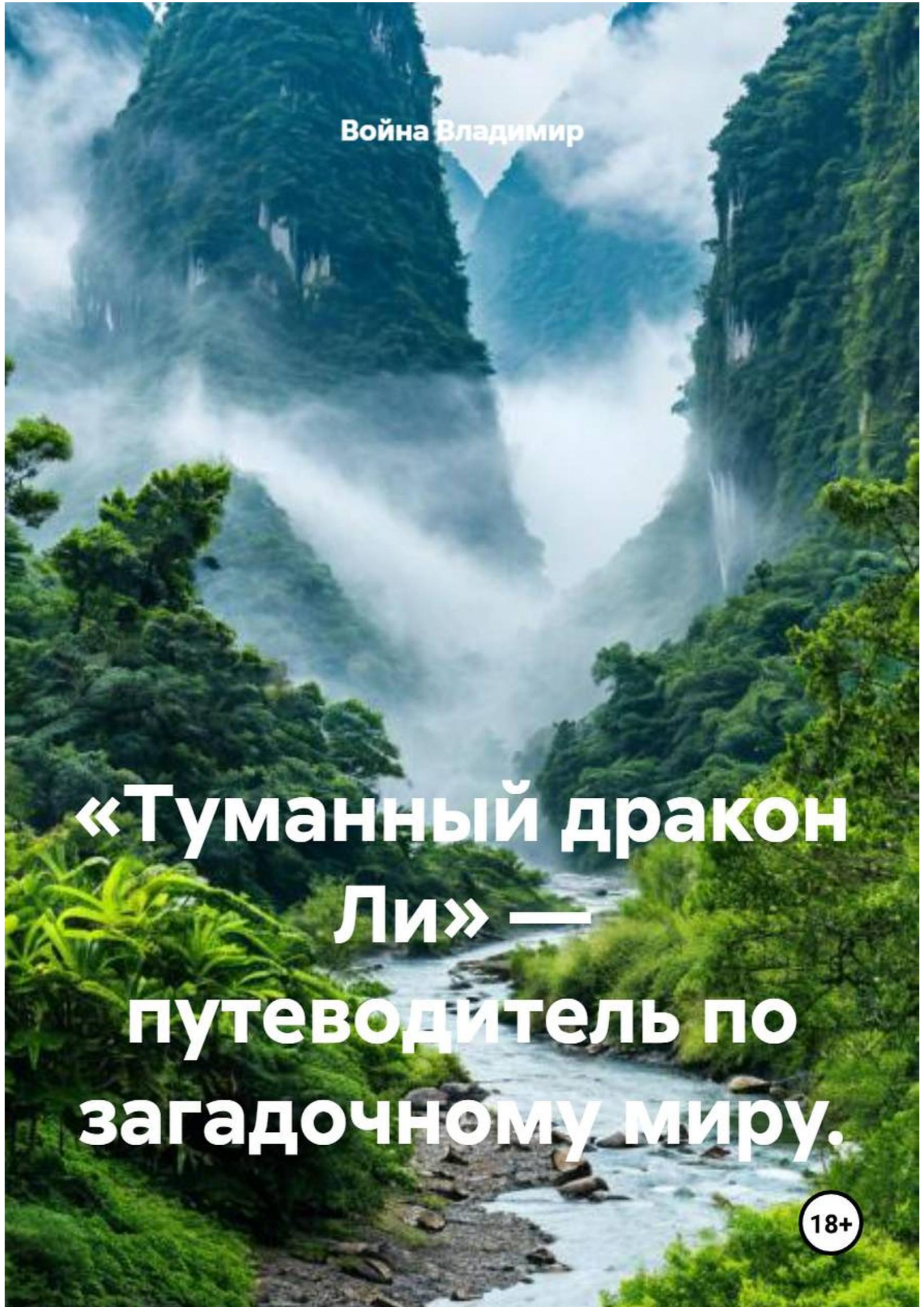




Война Владимир

**«Туманный дракон
Ли» —
путеводитель по
загадочному миру.**

18+

Война Владимир

**«Туманный дракон
Ли» — путеводитель
по загадочному миру.**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

«Туманный дракон Ли» — путеводитель по загадочному миру. /
В. В. Владимир — «Автор», 2026

Что, если путешествие изменит вас навсегда? Откройте для себя Гуанси, где горы парят в облаках, реки поют, а время течёт медленно. Автор, влюблённый в красоту Гуйлиня и Яншо, проведёт вас через 20 глав этого волшебного странствия. Вы получите визу, попробуете уличную еду, полюбуетесь туманом и откроете для себя легенды о драконах и медитацию тайцзи. Книга — путеводитель и роман о Поднебесной, где каждый момент становится частью души. Формат: литературный путеводитель, роман-странствие. Для кого: любителей живописных пейзажей, велопрогулок, треккинга, водных приключений и восточной экзотики.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

«Туманный дракон Ли» — путеводитель по загадочному миру.

Глава

Введение

Почему я выбрал этот маршрут, или Исповедь очарованного странника

Если вы держите в руках эту книгу, значит, обычные маршруты вам наскучили. Вы не хотите просто «посмотреть страну». Вы хотите, чтобы страна посмотрела на вас — пронзительно, глубоко, до мурашек. И я вас прекрасно понимаю, потому что сам когда-то стоял на этом перепутье, разглядывая карту мира.

Я выбирал между тропическим раем Хайнаня и величием Великой стены. Но что-то внутри меня, какая-то генетическая память о древних поэтах и свитках туши, шептала: «Ищи туман, ищи воду, ищи горы, похожие на сны». И я нашел это всё в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Гуйлинь и Яншо — это не просто географические названия. Это код доступа к той самой «китайской грамоте», которую европейцы веками считали непостижимой.

История, высеченная в известняке

Прежде чем ступить на эту землю, я погрузился в ее прошлое. И оно оказалось таким же слоистым и причудливым, как местный карст.

Представьте: более 200 миллионов лет назад здесь плескался древний океан Тетис. Миллиарды раковин, скелетов морских существ оседали на дно, спрессовываясь в тысячеметровые толщи известняка. Потом вода ушла, а пришли ветра и муссонные дожди. За миллионы лет вода, этот величайший скульптор, выточила из монолита тот фантастический лес пиков, который мы видим сегодня. Каждая скала здесь — это бывшее морское дно, взметнувшееся к небесам. Гулять по Гуйлиню — это все равно что бродить по оголившемуся скелету Земли, где каждый камень дышит бездной времени.

Но меня завораживает не только геология. Здесь кипит человеческая история. Именно через эти долины, по реке Лицзян, шли древние караваны. Это был один из отрезков Великого Шелкового пути, где торговцы пряностями и шелком встречались с горными племенами. Я читал хроники: в эпоху династии Цинь (более 2200 лет назад!) императорские солдаты прорубали в этих скалах канал Линцюй, чтобы соединить две великие реки и пойти войной на юг. Они смешали свою кровь с водой Лицзян, и теперь эта река течет не только водой, но и судьбами.

Материалы и люди: экзотика, ставшая бытом

Когда я собирал материалы для этого путеводителя, я не сидел в библиотеках. Я трогал эти «материалы» руками.

Я держал в ладонях бамбук, из которого местные рыбаки вяжут свои плоты. Этой технологии тысячи лет, и лодочник с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора, учил меня: «Бамбук пустой внутри, как сердце мудреца, поэтому он не тонет».

Я пробовал на зуб знаменитый гуйлиньский перец и пил чай, собранный на террасах Лунцзи, куда не ступала нога европейца. Материал этой земли — не просто камень и дерево. Это рисовая бумага, на которой чжуанские художницы до сих пор рисуют историю своего народа без единого иероглифа, одними только цветами и символами.

Здесь все смешалось в невероятную экзотику. Вы увидите народность яо, чьи женщины носят на головах башни из собственных волос, срезанных лишь раз в жизни — эта живая корона тяжелее шелка и дороже золота. Вы услышите, как в воздухе смешиваются диалекты чжуан, кантонский говор и северный мандарин. Этот регион — Вавилонская башня Поднебес-

ной, и, клянусь, еще ни один архитектор не придумал декораций лучше, чем здешние «башни» из тумана и камня.

Почему эта книга — ваш билет

Я написал эти 20 глав, сидя на балконе в Яншо, глядя, как бакланы ныряют за рыбой в лучах заката. Я не хочу давать вам сухой справочник «поешь-поспи». Я хочу провести вас узкой тропой между карстовых зубцов, где реальность путается с мифом. Мы вместе переживем подъем на Сян Гун Шань, где вы заплачете от красоты, и вместе рассмеемся над моими провалами в торге на Западной улице.

Это путешествие — не про комфорт. Это про вкус. Про вкус рисового вина, выпитого в пещере-баре. Про запах ладана в заброшенном храме на вершине холма. Про ощущение мозолей на ладонях после велопрогулки по рисовым полям.

Я зову вас туда, где горы плавают в реке, а история дышит вам в затылок. Добро пожаловать в Гуанси. Добро пожаловать на борт бамбукового плота, плывущего сквозь века.

*Ваш проводник и немного безумец, влюбленный в этот край. *

Глава 1: Шепот Поднебесной: Виза, которая открывает небо

В тот день, когда я принял окончательное решение ехать в Гуанси, за моим окном шёл серый, безнадежный дождь. Он барабанил по стеклу, словно пытаясь отговорить меня от этой авантюры. Но я уже видел другие капли — те, что срываются с весел бамбуковых плотов в изумрудную воду Лицзян. Я уже слышал не шум машин, а звон цикад в рисовых полях Яншо. Оставалась сушая малость: получить визу, этот загадочный документ, который для многих становится непреодолимой Великой стеной на пути к мечте.

Признаюсь честно: я боялся. Китайская бюрократия овеяна легендами, одна страшнее другой. «Ты потеряешь недели, тебя замучают справками, ты опоздаешь на рейс», — шептали мне доброжелатели. Но я решил проверить эти мифы на прочность. И знаете что? Дракон оказался ручным, если знать, как к нему подойти.

Тип L: ваш пропуск в Поднебесную

Туристическая виза в Китай носит литеру «L». Мне нравится думать, что это первая буква слова Long — дракон. Потому что получить её — всё равно что приручить мифического зверя. Она бывает однократной и двукратной, на 30 или 60 дней. Мне хватило однократной на месяц — я ехал не жить, а выпитывать.

Главное правило, которое я усвоил сразу: Китай не прощает импровизаций в документах. Здесь любят порядок, и ваша задача — показать, что вы его уважаете. Никаких «как-нибудь потом донесу», никаких «ой, забыл». Каждая бумажка должна лежать в своём конверте, как рис в пиале.

Танец с анкетой

Первый шаг — анкета. Она заполняется онлайн на сайте визового центра, и это настоящий квест. Семь страниц вопросов, которые проникают в вашу жизнь глубже, чем иной психоаналитик. Где вы работали пять лет назад? Кем была ваша прабабушка? Шучу, конечно, но вопросы о предыдущих поездках, образовании и точных датах пребывания заставят вас перевернуть старые паспорта и трудовые книжки.

Я заполнял анкету три вечера подряд, сверяясь с образцами на форумах путешественников. Самое коварное — графа «Маршрут». Нельзя написать просто «Гуйлинь и окрестности». Нужно указать конкретные города, отели, даты. У меня ещё не было брони, и я на время почувствовал себя мошенником, вписывая названия гостиниц, найденных в интернете. Но в визовом центре потом сказали: «Делайте как все, это нормально». Китай ценит, когда у вас есть план, даже если он — фикция.

Папка с сокровищами

В день подачи я собрал папку, которая весила, казалось, больше моего чемодана. В ней лежали:

— Загранпаспорт с двумя чистыми страницами (это важно: китайская виза — это целый разворот с голограммой, а не скромный штамп).

— Копия российского паспорта.

— Фотография 33×48 мм на белом фоне. Не смейтесь: к этим миллиметрам здесь относятся серьёзнее, чем к вашей улыбке. Меня заставили переснять фото прямо в центре, потому что мой лоб был повернут на полградуса не туда.

— Приглашение от туроператора. Я заказал его за смешные деньги через агентство. Это была красивая бумага с печатями, иероглифами и моим именем, вписанным красной тушью. Уже тогда я почувствовал легкий аромат Азии.

— Выписка из банка. Тут нужна арифметика: на вашем счету должно лежать не менее 100 долларов на каждый день пребывания. Я распечатал выписку за три месяца, и работница визового центра долго изучала мои скромные доходы, прежде чем кивнуть.

— Медицинская страховка. Необязательная, но я оформил. Мало ли что случится в карстовых пещерах.

Визовый центр: место, где сбываются мечты

Я пришёл к открытию, в 9:00. У дверей уже стояла очередь — такие же, как я, мечтатели с горящими глазами и пухлыми папками. Кто-то ехал в Шанхай на бизнес-форум, кто-то — в Пекин к родственникам, а я — за туманами Гуйлиня. Мы переглядывались и молча поддерживали друг друга, словно паломники перед святыми воротами.

Внутри пахло бумагой и кофе из автомата. Всё строго: электронная очередь, окошки с непроницаемыми девушками, безупречный кондиционированный воздух. Мой номер высветился на табло, и я шагнул к стойке.

Девушка за стеклом говорила по-русски с лёгким акцентом, от которого веяло жасминовым чаем. Она перебирала мои документы, как опытный ювелир — россыпь самоцветов. Пауза. Ещё пауза. Сердце колотилось где-то в горле. И вдруг — «Всё в порядке. С вас консульский сбор».

Я заплатил около 5000 рублей (цены меняются, узнавайте точную сумму заранее). Мне выдали квитанцию с датой получения паспорта. Пять рабочих дней. Пять дней я ходил по потолку, проверяя статус заявки на сайте каждые три часа.

Момент истины

Когда я снова переступил порог визового центра в день выдачи, руки у меня дрожали. Запечатанный конверт. Я вскрыл его прямо в коридоре, под равнодушным светом люминесцентных ламп. Открыл паспорт — и замер.

На меня смотрела виза. Голографическая наклейка с Великой стеной и моей фотографией. Иероглифы, цифры, печати — целая поэма на одном развороте. Честное слово, это было прекраснее любой картины. Я стоял и глупо улыбался, а мимо шли люди, не подозревая, что прямо сейчас один человек получил ключи от своей мечты.

Маленький урок, который я вынес

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: китайская виза — это не препятствие. Это первый обряд инициации. Пройдя его, вы словно доказываете и себе, и Поднебесной, что достойны войти. Бумаги, анкеты, очереди — это медитация на терпение, которая подготовит вас к главному приключению.

И ещё один секрет: когда вы будете стоять на вершине горы Сян Гун Шань, глядя на туманное море под ногами, вы вспомните ту очередь в визовом центре. И улыбнётесь. Потому что поймете: всё это было частью путешествия. самого восхитительного путешествия в вашей жизни.

Глава 2: Деньги любят тишину: Юани, карты и магия WeChat

Есть старая китайская пословица: «Деньги не пахнут, но они любят тишину». Я вспомнил её в тот момент, когда впервые достал из бумажника хрустящую розовую купюру в сто юаней и

попытался расплатиться ею в уличной лапшичной Гуйлиня. Торговка, сморщенная, как зимнее яблоко, посмотрела на меня с недоумением, каким смотрят на дикаря, предложившего в обмен на еду связку ракушек. Она ткнула пальцем в синюю табличку WeChat Pay, висевшую над её лотком, и что-то быстро затараторила на кантонском диалекте. Я не понял ни слова, но смысл был ясен: «Мужчина, какой век на дворе?»

Так я получил свой первый урок финансовой магии Поднебесной. Урок, который сэконобил мне потом сотни нервных клеток и десятки неловких ситуаций. И сейчас я расскажу вам всё, что нужно знать, чтобы не выглядеть белой вороной с бумажником, набитым наличными.

Юань, он же куай, он же RMB: портрет в трёх лицах

Начнём с азов. Официальное имя местных денег — жэньминьби (RMB), что переводится поэтично и весомо: «народные деньги». Но в быту их называют «юань» или, ещё проще, «куай» — это примерно как у нас «рубль» и «деревянный». Один юань делится на десять цзяо, а цзяо — на десять фэней, но фэни вы вряд ли увидите: они вымирают, как бумажные квитанции за коммуналку.

Купюры здесь — настоящее произведение искусства. Когда я впервые разложил их перед собой в гостиничном номере, то залюбовался. На лицевой стороне — неизменный портрет Мао Цзэдуна, глядящий на вас с отеческой строгостью. А вот оборот — это путеводитель по стране. Сто юаней — фиолетовые, с изображением Великой стены. Пятьдесят — зелёные, с потрясающим дворцом Потала в Лхасе. Но самая волшебная для меня — двадцать юаней. Коричневато-жёлтая купюра, на обороте которой напечатан тот самый пейзаж реки Лицзян с карстовыми пиками и бамбуковым плотом. Я положил эту купюру в отдельный кармашек и не тратил всю поездку. Это был мой талисман, моя карта сокровищ, которая привела меня в Гуанси.

Мобильные кошельки: туда и обратно

Теперь о главном. Если вы думаете, что в Китае можно прожить с наличными, — вы ошибаетесь. Можно, конечно, если вы готовы каждый раз чувствовать себя неандертальцем, которому снисходительно ищут сдачу. Китай ушёл в безналичный рай так стремительно, что даже бабушки, торгующие клубникой у дороги, давно обзавелись QR-кодами.

Два кита этого финансового океана — WeChat Pay и AliPay. Первый встроен в мессенджер WeChat, которым здесь пользуются все, от школьников до пенсионеров. Второй — детище гиганта Alibaba. Оба работают примерно одинаково: вы привязываете свою банковскую карту к приложению, и вуаля — ваш телефон превращается в волшебный кошелёк, способный оплатить что угодно, от лапши до билета на шоу «Импрессия Лю Сяньцзе».

Раньше иностранцу подключить всё это было почти нереально. Нужен был китайский счёт, китайский номер телефона и тибетское терпение. Но времена меняются, и слава драконам! Теперь и AliPay, и WeChat Pay позволяют привязать иностранную карту — Visa, Mastercard, даже российскую UnionPay (которая здесь, кстати, родная).

Я настраивал AliPay ещё дома, за неделю до вылета. Скачал приложение, прошёл верификацию по паспорту, сфотографировал лицо в разных ракурсах и привязал карту. Честно скажу: без знания английского пришлось бы попотеть, интерфейс местами упрямо переключался на иероглифы. Но я справился, и это была победа, сравнимая с получением визы.

Первое сканирование: ритуал посвящения

Свой первый платёж по QR-коду я совершил в крошечной чайной лавке на улице Чжэньян в Гуйлине. Старик-продавец насыпал мне в бумажный пакет жасминового чая, назвал цену и молча повернул ко мне табличку с кодом. Я навёл камеру — экран мигнул, показал сумму в юанях и тут же перевёл её в рубли (это магия, от которой я не уставал восхищаться всю поездку). Палец на кнопку — и готово. Старик кивнул с таким видом, будто ничего особенного не произошло. А для меня это был момент истины.

Один важный нюанс: всегда проверяйте, что сканируете именно платёжный код продавца, а не что-то иное. И держите телефон заряженным. Севший аккумулятор в Китае — это не просто неудобство, это голод, холод и невозможность уехать на такси. Пауэрбанк здесь — не аксессуар, а орган выживания.

Наличные: для души и для бабушек

Но я не призываю вас совсем отказываться от бумажных денег. Есть моменты, когда наличные незаменимы. Во-первых, это уличные рынки, где торгуют очень пожилые люди. Они не дружат со смартфонами и предпочитают шелест купюр. Во-вторых, это маленькие деревни в окрестностях Яншо, куда прогресс ещё не добрался. И в-третьих — это подарки. Когда вы даёте чаевые лодочнику на реке Юлонг (да, в Китае чаевые не приняты, но в туристических местах их ждут), купюра из рук в руки значит больше, чем бездушный платёж.

Обменивать деньги я советую частично дома, чтобы иметь запас на первый день, а основную сумму — уже в Китае. Банкоматы Bank of China и ICBC принимают иностранные карты и выдают юани по хорошему курсу. Я нашёл такой банкомат прямо в аэропорту Гуйлиня, в зоне прилёта. Он выплюнул мне несколько сотен юаней, и я почувствовал себя богачом — даже если это была лишь скромная сумма на пару дней.

Маленькая хитрость с купюрой в 20 юаней

И напоследок — обещанный секрет. Помните купюру с пейзажем Лицзян? Когда вы попадёте в деревню Синпин и встанете на смотровой площадке, откуда открывается тот самый вид, изображённый на деньгах, — достаньте эту купюру. Совместите рисунок с реальностью. Горы, река, бамбуковые заросли — всё сойдётся один в один, как отпечаток пальца.

Я проделал этот трюк трижды: для себя, для случайного попутчика-француза и для продавца мандаринов, который, увидев такое, расхохотался и угостил меня бесплатно. Деньги в Китае — это не просто средство платежа. Это часть пейзажа, часть культуры и часть вашего приключения.

А теперь, когда кошелек ваш полон, а телефон заряжен и готов сканировать, мы можем двигаться дальше. Впереди — небо, самолёты и тот самый перелёт, который перенесёт вас через всю Евразию к порогу туманного рая.

Глава 3: Крылья над Великой стеной: Перелёт и трансфер

Аэропорт — это особое место. Это чистилище между мирами, где время течёт по иным законам, а воздух пропитан смесью тревоги, предвкушения и дешёвого кофе. Я приехал в свой аэропорт вылета за три часа, как и положено ответственному путешественнику, но внутри меня всё дрожало, как у мальчишки, впервые убегającego из дома навстречу приключениям.

Мой рейс был с пересадкой в Гуанчжоу. Я выбрал этот маршрут не случайно. Прямые рейсы в Гуйлинь из России — редкость, почти миф, в который верят лишь очень везучие люди. Большинство же долетает до крупных хабов — Пекин, Шанхай, Гуанчжоу — а оттуда уже внутренними линиями разлетается по стране. Это как в хорошей китайской кухне: сначала ты пробуешь бульон, и только потом добираешься до главного блюда.

Прощание с привычным миром

Самолёт оторвался от взлётной полосы, и привычный мир в иллюминаторе стал стремительно уменьшаться. Дома, дороги, поля — всё превратилось в рельефную карту, а потом и вовсе скрылось под ватным одеялом облаков. Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Девять часов лёта. Девять часов, чтобы перестроить сознание с кириллицы на иероглифы, с суеты на созерцание.

Честно говоря, я плохо сплю в самолётах. Поэтому вместо сна я смотрел фильмы, листал путеводитель и раз за разом прокручивал в голове маршрут. Соседом моим оказался молчаливый китаец в дорогом костюме, который всю дорогу что-то печатал в ноутбуке. Лишь однажды он повернулся ко мне и спросил на хорошем английском: «Первый раз в Китае?» Я кивнул. Он улыбнулся уголками губ и сказал: «Вам понравится. Особенно Гуйлинь. Я там был в медо-

вый месяц». И снова уткнулся в экран. Меня это подбодрило больше, чем все путеводители вместе взятые.

Гуанчжоу: первый вдох Поднебесной

Когда шасси коснулись бетонной полосы аэропорта Байюнь, я почувствовал странное волнение. Это был уже Китай. Настоящий. За бортом — плюс двадцать пять и влажность, от которой одежда мгновенно прилипает к телу. Я вышел из самолёта и вдохнул воздух, пахнувший тропиками, специями и чем-то неуловимо чужим.

Аэропорт Гуанчжоу — это город в городе. Огромный, сверкающий, напичканный электроникой. Чтобы пройти трансфер, мне пришлось пройти паспортный контроль (да, даже для пересадки на внутренний рейс!), получить багаж и снова его зарегистрировать. Это заняло около полутора часов, и я порадовался, что пересадка у меня была с запасом — целых четыре часа. Не повторяйте ошибку тех, кто берёт стыковку в час: вы рискуете провести ночь в транзитной зоне, обнимая чемодан.

На паспортном контроле офицер в безупречно отглаженной форме долго изучал моё лицо, сравнивая с фотографией в визе. Потом посмотрел в камеру, фиксирующую биометрию, и вдруг улыбнулся: «Гуйлинь? Красиво. Хорошего отдыха». Штамп с драконьим рыком опустился на страницу паспорта. Я в Китае.

Внутренний перелёт: Юг зовёт

Рейс Гуанчжоу — Гуйлинь длится всего час с небольшим. Но какой это час! Едва самолёт набрал высоту, как под крылом развернулась та самая картина, ради которой я затеял это путешествие. Сначала равнина, изрезанная реками и каналами, словно вены на ладони великана. Потом — первые карстовые холмы, одинокие и застенчивые, как дебютанты на сцене. А потом — целое море пиков. Остроконечных, конических, заросших изумрудной щетиной. Они выныривали из тумана, как спины спящих драконов, и уходили за горизонт бесконечной чередой. Я прилип к иллюминатору, забыв о времени. Соседка-китаянка посмотрела на меня с понимающей улыбкой — мол, привыкай, это только начало.

Аэропорт Гуйлиня встретил меня скромно. Он небольшой, уютный, какой-то даже провинциальный после гиганта Гуанчжоу. Но здесь было то, чего не купишь за деньги — воздух. Чистый, напоённый влагой субтропиков и едва уловимым ароматом цветущего османтуса. Я вышел из терминала и замер. Прямо передо мной, в каких-то паре километров, вздымались первые карстовые пики. Настоящие, не на картинке. Они были так близко, что хотелось протянуть руку и потрогать их шершавый известняк.

Таксист-философ и дорога в город

На выходе меня атаковали зазывалы. «Такси, сэр! Дёшево! Быстро!» Я прошёл мимо них — правило первое: ловить машину только на официальной стоянке. Там меня ждал аккуратный зелёный автомобиль с пашечками и водитель по имени господин Ли, как я узнал позже из его визитки, которую он мне торжественно вручил.

Господин Ли говорил по-английски примерно на уровне моего китайского — то есть никак. Но это не помешало нам вести оживлённую беседу всё те сорок минут, что заняла дорога до отеля. Он показывал на горы, называл их имена (я не запомнил ни одного, но старательно кивал), жестикулировал и смеялся. Один раз он резко остановил машину у обочины, схватил мой телефон и сфотографировал меня на фоне какого-то особенно живописного пика. Потом вернул телефон, довольно хмыкнул и поехал дальше.

Стоило это удовольствие около ста юаней — примерно тысяча триста рублей. Я расплатился через AliPay, и господин Ли одобрительно поднял большой палец. Мы обменялись поклонами, и он уехал, оставив меня стоять на пороге отеля с чемоданом и сердцем, полным предвкушения.

Запах жасмина и первый глоток

В холле отеля пахло жасмином и дорогим деревом. Администратор, хрупкая девушка с идеальным английским, протянула мне ключ-карту и чашку приветственного чая. Я поднялся в номер, распахнул шторы и замер.

За окном, в сгущающихся сумерках, светились две пагоды — Солнца и Луны. Одна золотая, другая серебряная. Они отражались в чёрной воде озера Шаньху, и казалось, что там, в глубине, живёт ещё один город — зазеркальный, волшебный. Я стоял и смотрел, забыв про голод, забыв про усталость. Туман подкрадывался к вершинам гор, окутывая их шарфами облаков.

Дракон не спал. Дракон ждал меня. И я был готов к встрече.

Глава 4: Отель как храм спокойствия: Гуйлинь в огнях

Номер встретил меня той особенной тишиной, какая бывает только в хороших отелях, — глубокой, ватной, отрезающей от внешнего мира. Я бросил чемодан у двери, скинул пропылённую дорожкой обувь и босиком прошёл по ковру к окну. Огромному, во всю стену, с видом, от которого перехватывало дыхание.

Гуйлинь зажигал огни.

Внизу, в лаковом зеркале озера Шаньху, дрожали отражения двух пагод — Солнца и Луны. Золотая, высокая и стройная, как императорский страж, и серебряная, приземистая и изящная, словно фрейлина, склонившаяся в поклоне. Они стояли на воде, соединённые ажурным мостиком, и казались не архитектурой, а миражом, приснившимся какому-то древнему поэту. Где-то за ними, в сгущающейся темноте, угадывались контуры карстовых пиков — безмолвных стражей, опоясывающих город.

Я налил себе чаю из приветственного набора (тот самый молочный улун, который мне потом снился ещё месяц после возвращения), сел в кресло у окна и вдруг осознал: я счастлив. Просто так, без причины. От того, что добрался. От того, что всё получилось. От того, что этот город, такой чужой и такой манящий, уже начинал со мной говорить на своём языке — языке тумана, света и отражений.

Выбор, который определил настроение

Признаюсь, выбирая отель, я долго колебался. Гуйлинь — город контрастов, и селиться здесь можно по-разному. Есть гигантские пятизвёздочные небоскрёбы с бассейнами на крышах, где богатые туристы потягивают коктейли, глядя на пагоды сверху вниз. Есть скромные гестхаусы в старых кварталах, где по утрам вас будят крики уличных торговцев и запах жарящегося тофу. А есть отели-храмы — камерные, утопающие в зелени, с чайными церемониями в лобби и персоналом, который двигается бесшумно, словно тени на шёлковой ширме.

Я выбрал нечто среднее. Отель «Ватерфронт» (назовём его так, хотя настоящее имя я сохранию в секрете — у каждого путешественника должен быть свой тайный адрес) стоял на берегу озера, в десяти минутах пешком от центра, но в стороне от шумных магистралей. Номер стоил мне около семи тысяч рублей за ночь — недёшево, но я копил на это путешествие полгода и решил: первый вечер должен быть особенным.

И он стал.

Ритуал заселения: больше, чем просто ключ

Китайское гостеприимство — это церемония. Я понял это сразу, едва переступил порог. Девушка-администратор, чьё имя — Сяо Мэй — я выучил позже, встретила меня лёгким поклоном и сложенными у груди ладонями. «Добро пожаловать в Гуйлинь», — сказала она по-английски, и в её голосе звучала не дежурная вежливость, а искренняя гордость за свой город.

Пока она оформляла заселение, мне подали холодное полотенце с ароматом лимонника и крошечную пиалу зелёного чая. Полотенце стёрло усталость перелёта, чай — тревогу. Потом Сяо Мэй развернула передо мной карту города и красным фломастером обвела места, куда «обязательно нужно пойти». Рынок Чжэньян, парк Семи Звёзд, пристань, откуда уходят плоты по Лицзян. Она делала это не потому, что так положено по инструкции, а потому что ей самой хотелось поделиться. И это подкупало.

Мой номер: комната с драконьим видом

Номер был на двенадцатом этаже. Просторный, с минимумом мебели, но каждая деталь — на своём месте. Кровать, огромная, как рисовое поле, застеленная белоснежным бельём с вышитыми по краю иероглифами (позже я узнал, что это строки из Ли Бо, поэта эпохи Тан, воспевшего здешние края). Письменный стол с набором открыток, конвертов и кисточкой для каллиграфии — словно намекающий: напиши, не держи впечатления в себе.

Но главным, конечно, было окно. Вернее, его отсутствие — это была стеклянная стена, раздвигающаяся на две трети. Я открыл створки, и в номер ворвался влажный субтропический воздух, напоённый запахами воды, цветов и далёкого уличного жасминового чая. Где-то внизу, в прибрежных кафе, играла живая музыка — эрху, китайская скрипка, выводила тягучую, щемлящую мелодию. Я стоял на балконе и слушал, как город поёт мне колыбельную.

Ванная, которая стала храмом

Отдельного упоминания заслуживает ванная комната. Нет, не так — храм омовения. Она была отделана чёрным мрамором с вкраплениями серебра, а в центре возвышалась ванна, достаточно глубокая, чтобы утонуть в ней с головой в прямом и переносном смысле. На бортике лежали соли с жасмином и китайским лимонником, а рядом — нефритовый скребок гуаша и инструкция к нему на шёлковой бумаге.

Я наполнил ванну, бросил соли и погрузился в горячую воду. Усталость перелёта растворилась в ароматном пару, мышцы расслаблялись, мысли текли медленно и плавно, как та самая река Ли за моим окном. И тут меня настигло озарение: я ведь даже не ужинал. Но вылезать из этого блаженства не хотелось.

Вечерняя прогулка: Гуйлинь вступает в ночь

Через час, переборов лень, я всё-таки вышел на улицу. Гуйлинь вечером — это совсем другой город, не тот, что днём. Дневной Гуйлинь деловит, суетлив, наполнен звоном велосипедных звонков и криками торговцев. Вечерний же — загадочен и мягок.

Набережная озера Шаньху была подсвечена фонарями в форме лотосов. Пары, держась за руки, прогуливались вдоль воды. Старики танцевали медленный вальс под музыку из портативных колонок — китайские пенсионеры вообще обожают танцы на свежем воздухе, и это зрелище, полное достоинства и грации. Я прошёлся по изогнутому мостику, соединяющему берега, и остановился у самой воды. Пагода Луны сияла серебром, и её отражение дробилось в ряби от пробежавшей рыбы.

Где-то вдалеке, на той стороне озера, мерцали неоновые вывески ресторанов. Я решил, что ужин — это именно то, что нужно, и направился на свет. Но это уже совсем другая история — история о запахе специй, о моём первом кулинарном шоке и о том, как я пытался объяснить официанту, что не ем свиные уши.

А пока что я просто шёл вдоль озера, вдыхая ночной Гуйлинь, и чувствовал, как город-дракон приоткрывает мне свою золотую чешую. Отель ждал меня, тёплый и надёжный, как материнские объятия. И где-то глубоко внутри я уже знал: эта ночь мне приснится ещё не раз.

Глава 5: Слоны, пьющие воду: Парк «Хобот слона»

Я проснулся в шесть утра без будильника. Знаете это странное чувство, когда тело ещё не привыкло к смене часовых поясов, но внутри уже звенит нетерпение: «Вставай! Ты в Китае! Там, за окном, происходит чудо, а ты спишь!» Я откинул одеяло и босиком прошлёпал к окну. Гуйлинь тонул в предрассветном тумане. Пагоды Солнца и Луны едва угадывались в молочной дымке, словно призраки минувших династий. Город ещё спал, но я уже знал: сегодня будет великий день. Сегодня я пойду знакомиться с тем, ради кого сюда едут миллионы.

Парк «Хобот слона» — визитная карточка Гуйлиня. Его фотографии украшают открытки, путеводители и обои рабочих столов по всему миру. Скала, формой напоминающая гигантского слона, опустившего хобот в воды реки Лицзян, чтобы утолить вековую жажду. Я видел этот кадр сотни раз, пока готовился к поездке. Но увидеть воочию — совсем другое.

Дорога к легенде

От моего отеля до парка было минут двадцать пешком. Я решил не брать такси — утренний город слишком хорош, чтобы разминывать его на кондиционированный салон автомобиля. Гуйлинь просыпался неторопливо, с достоинством. Уличные торговцы раскладывали на прилавках экзотические фрукты: драконьи фрукты с розовой кожурой, личи, рамбутаны, мохнатые и красные, как инопланетные существа. Старики в спортивных костюмах делали зарядку прямо на тротуаре, плавно разводя руками, словно ловили утренний ветер. Из открытых дверей лапшичных тянуло острым бульоном и свежей кинзой.

Я купил у уличного торговца стаканчик горячего соевого молока за пять юаней и выпил его на ходу. Оно было сладковатым, с привкусом ванили, совсем не похожим на то, что продают у нас. Торговка улыбнулась моему удивлённому лицу и одобительно кивнула — мол, нравится? Ещё бы.

Парк встретил меня распахнутыми воротами, украшенными иероглифами и красными фонарями. Кассы только открывались, очередь была минимальной, и я взял билет за восемьдесят юаней — около тысячи рублей. Совет: приходите к открытию. Через пару часов здесь будет не протолкнуться от туристических групп, и слон рискует остаться незамеченным за частоклолом селфи-палок.

Каменный великан и его легенда

Я прошёл по извилистой дорожке, обсаженной бамбуком и камелиями, и вдруг деревья расступились. И вот он.

Скала высилась прямо из воды, огромная, невозможная. Природа действительно поработала скульптором — миллионы лет воды и ветра выточили в известняке арку такой правильной формы, что не верилось в отсутствие человеческого вмешательства. Арка напоминала глаз циклопической иглы, сквозь которую можно было продеть небесную нить, а между телом «слона» и его «хоботом» зияло пространство, заполненное утренним туманом.

Я спустился к самой воде, где стояли бамбуковые плоты, привязанные к берегу. Отсюда слон казался ещё величественнее. Его отражение дрожало в зеленоватой глади реки Ли, и казалось, что под водой живёт его близнец — такой же молчаливый и вечный. Я стоял, запрокинув голову, и чувствовал себя песчинкой. Именно ради таких моментов и стоит путешествовать.

Местная легенда, которую я прочёл на табличке у смотровой площадки, гласила: когда-то в эти края спустилось стадо небесных слонов. Они были священными животными Нефритового императора и помогали людям возделывать рисовые поля. Но когда пришло время возвращаться на небо, один слон так полюбил землю Гуйлиня, что отказался уходить. Разгневанный император ударил его своим мечом, превратив в камень. И с тех пор стоит слон на берегу реки Ли, пьёт воду и ждёт прощения. Ждёт уже вторую тысячу лет.

Красивая легенда. Хотя геологи, конечно, рассказали бы другую историю — про карстовые процессы, эрозию и выветривание. Но геологам я не верю. Вернее, верю, но предпочитаю слонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.